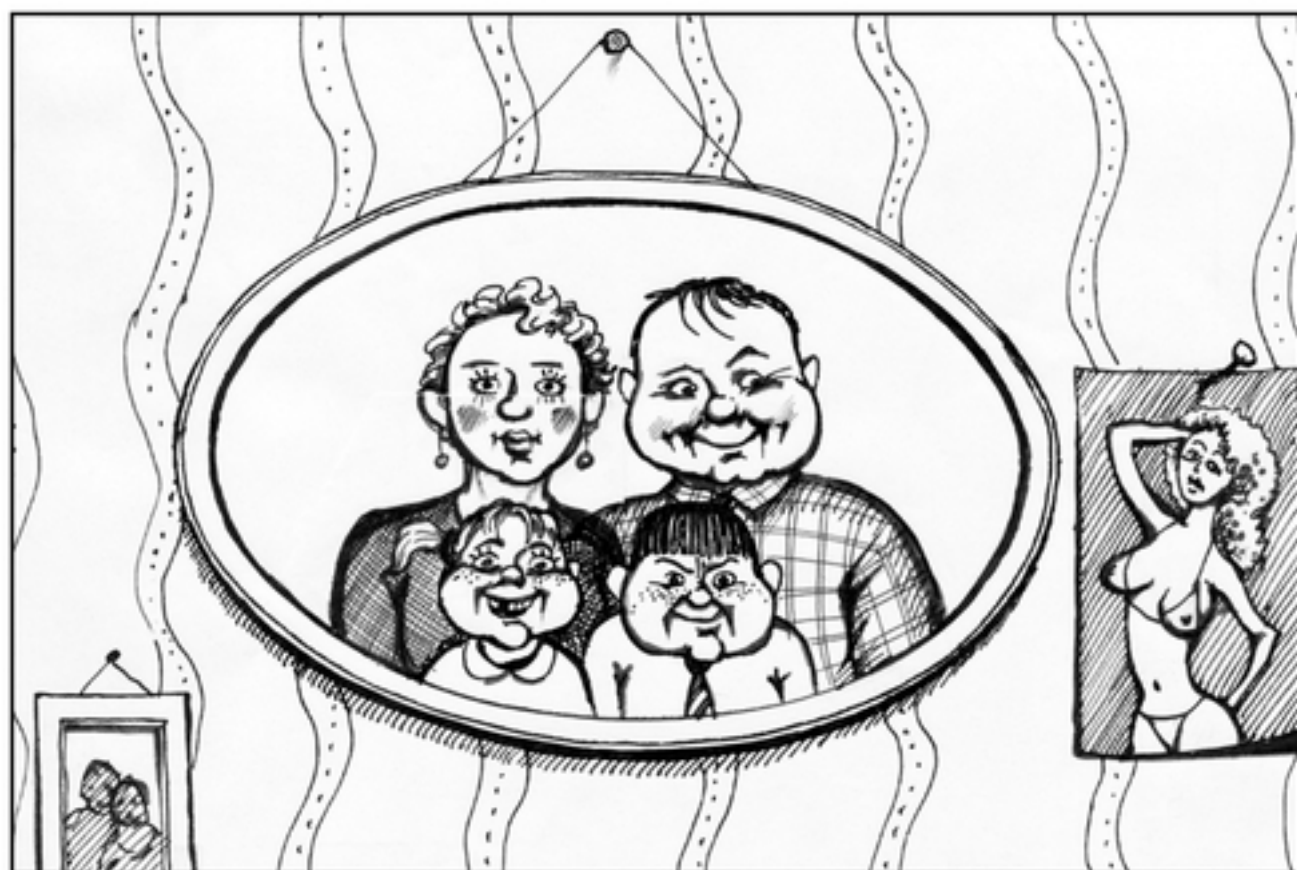

Владимир Дэс

Американский пляж

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Владимир Дэс

Американский пляж (сборник)

«Автор»

Дэс В.

Американский пляж (сборник) / В. Дэс — «Автор»,

В сборник вошли рассказы: 1. Американский пляж 2. Вольный город 3. Дневное рандеву 4. Дождь, Франция, Марсель 5. Стрекоза 6. Внук 7. 248. Мешки в театре 9. Первый и последний 10. Поражение 11. Ранний завтрак с «папуасом» 12. Рога 13. Сапожник дядя Зина 14. Тётушка: «Привет из Лондона» 15. Сласть извращения 16. Я буду вечно 17. Урок истории 18. Остров купца Амозова

© Дэс В.

© Автор

Содержание

Американский пляж	6
Перелет	6
Обретение «Оскара»	9
Банкет	14
Нью-Йорк	15
Отлёт	17
Вольный город	18
Дневное randevu	24
Дождь «Франция, Марсель»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Владимир Дэс

Американский пляж (сборник)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Сейчас все пишут об Америке.
Сейчас модно стало писать об Америке.
Что ж, напишу и я.*

Американский пляж

Перелет

Америка – это шестнадцать часов полота через Северный Полюс.

Огромный «боинг».

Первый класс.

Внимательные стюардессы.

Приятная компания.

– Со мною рядом – известная на весь мир актриса. Ей за пятьдесят, но выглядит более чем импозантно: огромная голубая норковая шуба, дорогие серьги с крупными бриллиантами, тонкие руки в вуалевых перчатках и один-единственный перстень на среднем пальце правой кисти. Вы зачем в Америку? – спросила она небрежно.

– За «Оскар», – ответил я скромно и потупил глаза. – А вы?

Она повернулась ко мне всем своим бюстом и внимательно посмотрела на то тощее и прыщавое, что сидело рядом с нею.

Не ответив на мой вопрос, она уже с заметным любопытством спросила:

– А вы кто?

– Я? Я продюсер... – И назвал фильм, который с огромным успехом прошел на всех экранах мира.

– Продюсер?! – ее мутноватые глаза вспыхнули молодым огнем.

А я, взяв первый попавший под руку журнал, – стал листать его небрежно и равнодушно – подумаешь, продюсер, подумаешь, еду за «Оскаром». Чего тут удивительного?

От листания журнала на арабском языке, в котором я не знаю ни буквы, меня отвлекло нежное прикосновение. Моя соседка, улыбаясь и источая очарование, осторожно обратилась ко мне:

– Извините, что беспокою вас. Вы не составите мне компанию? Мне захотелось выпить легкого итальянского вина.

– Конечно, – с готовностью ответил я и замахал руками, привлекая внимание стюардессы. Мы выпили вина.

Она распахнула шубу.

От нее веяло дорогими французскими духами и такой женской статью, что я в свои двадцать семь выглядел рядом с ней, как глупый трясущийся дворняжка-щенок рядом с холеной и зрелой породистой су... то есть собакой.

Я выпил и мне захотелось поговорить, показать себя.

Она стала ласково выпрашивать, как да что, где и почему.

Я разливался соловьем. Рассказал все: и где, и как, и что, и почем. Забыл, правда, при этом упомянуть, что деньги были истины, резонно полагая, что это отнюдь не самая существенная деталь.

Вот так мило беседуя, мы миновали Северный Полюс. Она, засыпая, позволила мне поправить шубу на ее коленях.

Когда она проснулась, я, а не стюардесса, подал ей кофе.

Попив кофе, мы продолжили нашу приятную беседу.

В Америке она бывала десятки раз.

Лос-Анджелес и Нью-Йорк она знает, как свою квартиру. Теперь уже я охал и округлял глаза.

Она рассказала и о своих творческих планах. И о том, как она устала от надоедливых поклонников, дураков-режиссеров, жмотов-продюсеров. При последних словах она внимательно посмотрела на меня.

Я откинулся на спинку кресла и протянул:

– Да-а, есть такие среди нашего брата. Но моими деньгами вы можете располагать в полной мере.

Я не лукавил, хотя полной меры моих денег хватило бы лишь на то, чтобы пару раз угостить даму в приличном ресторане. Главное, я щедро предложил их моей очаровательной спутнице, решив, что сумма – дело десятое.

Реакция была более чем бурной: меня привлекли, обволокли, обняли и приласкали. Я очутился посреди чего-то приятного, мягкого, вкусного, словом, восхитительного.

– А-а-а-а... Ух!

Вот зачем нужна шуба в самолете!

Наконец нам объявили, что через несколько минут мы сядем в Сан-Франциско для смены экипажа. Так что у нас есть пара часов, чтобы побродить по городу.

Мы взяли такси, и я пригласил свою спутницу в ближайшее кафе на побережье Тихого океана.

Меня немного смущала ее шуба – на улице-то было плюс двадцать, – но моя спутница чувствовала себя вполне комфортно и непринужденно.

В кафе мы выпили виски. Я принял самое активное продюсерское участие в её творческих планах – поддакивал и восхищался талантом моей спутницы.

Наконец я не без улыбки посмотрел на часы – пора было в аэропорт. Моя собеседница улыбнулась и, сказав, что исчезнет на минутку, пошла в сторону дамского туалета.

Я расплатился с приветливым барменом и попросил вызвать нам такси.

Пока ждали, я смотрел в огромное витринное окно на экзотическую природу.

У кафе был телефон-автомат, и какой-то высокий, стройный и хорошо одетый негр, постав телефонную книгу, стал набирать номер, другой ладонью выстукивая по телефонному автомату какой-то ритм.

«До чего же музыкальный народ! – подумал я. – Ни минуты не могут без музыки».

Подошел бармен и сказал, что такси сейчас будет. Я поблагодарил и дал ему еще доллар. Бармен без фальши поблагодарил меня.

Подошла моя будущая партнерша по кинобизнесу, и тут же подъехало такси.

Мы поблагодарили бармена, вышли из кафе и направились к машине. В это время негр, стоящий у телефона-автомата, подошел к нашей машине и стал в нее садиться. За рулем машины, кстати, тоже сидел негр.

У меня вырвалось:

– Гляди-ка, какой-то негр в нашу машину садится! А ведь ее вызвал наш бармен из кафе. – Я обернулся. В дверях стоял бармен и удивленно смотрел, как в такси усаживается негр.

Не успел я ничего сообразить, как бармен подскочил к машине и стал выволакивать негра из машины.

Тот выскочил. Водитель тоже.

Бармен насккивал на них, одного обвиняя в несусветном нахальстве, а другого в расизме.

Откуда ни возьмись появилась полицейская машина, а в ней – пара полицейских, оба латиносы. Все участники конфликта разом смолкли.

Полицейские выслушали бармена, негра-пассажира и вспотевшего негра-водителя, уже обвиненного во всех смертных грехах. Потом с подозрением осмотрели меня и мою спутницу в шубе – при плюс двадцати-то градусах.

Оказалось, что мы с этим негром вызвали такси одновременно. Только он из автомата на улице, а мы через бармена, из кафе.

Я показал полицейским билет на самолет, постучал по циферблату, и такси осталось за нами.

Мы уселись. Бедный водитель, весь изволнованный, как школьник перед экзаменом, не включая счетчика, помчал нас в аэропорт.

Не успели мы отъехать, как навстречу нам вырулило еще одно такси и подрулило к полицейской машине. Я еще краем глаза увидел, как высокий негр шумно сел и машину и тоже уехал.

На самолет мы успели.

В глазах своей спутницы я выглядел настоящим героем. Надеюсь.

По крайней мере, она стала еще ласковее.

А через час мы приземлились в Лос-Анджелесе.

Ее встретили на шикарном лимузине веселые армянские эмигранты, и она уехала.

Я взял такси.

– Куда? – на чистом русском спросил меня водитель. Такой же молодой, как и я, только с грустными глазами.

– Давай, земляк, сперва на пляж. На американских бичей хочу посмотреть.

Земляк окинул меня взглядом.

– А потом?

– Потом – в Бэверли-Хиллз, там у меня номер. А сам-то ты откуда?

– Из Одессы.

– Ну давай, одессит, поехали, а то вы тут в раю заскучали совсем без меня. Со мной вам будет весело и интересно. Это я тебе точно обещаю.

Обретение «Оскара»

Грустный одессит привез меня на знаменитый лос-анджелесский пляж, я его отпустил. Хотелось побродить одному.

Я подошел к океану, самому большому на земном шаре.

Светло-серый песок полого уползал под едва колышущиеся волны.

И снял ботинки, зашел по щиколотку в прохладную воду, закинул руки за голову и заглянул за край горизонта.

Небо и океан – дне бесконечности, ногами я ощущал океан, руками небо.

А я их как бы соединил.

Так я простоял минут пятнадцать.

Потом очнулся, надел ботинки и пошел к ближайшему кафе.

На встречу мне по током двигались какие-то грязные, вонючие кучи. Приглядевшись, я с удивлением понял, что это люди.

Молодые и старые, мужчины и женщины.

Бесцветные и безнадежные глаза попрошайек меня буквально убили.

Я достал из карманов все деньги, что у меня были, и раздал этим жалким людям.

Пиво пить расхотелось.

Я подозвал такси и поехал в гостиницу.

Зимний пляж в Лос-Анджелесе – впечатление ужасное. А получился он таким благодаря безумной добродетели великой актрисы.

В гостинице меня поселили в папашин номер.

Мой предок-сноб не захотел жить в гостинице, пусть даже и самой первоклассной. Он поселился на вилле у какого-то своего приятеля.

Когда я вышел из ванной, он мне позвонил и предупредил, чтобы я завтра в четыре вечера, как штык, был в холле: за мной приедет лимузин и отвезет во дворец на церемонию.

Я попросил денег.

Он сказал, что на моей кредитной карточке есть деньги на всю поездку – он давно позабылся об этом, – и положил трубку.

Я тут же позвонил в регистратуру и велел проверить мой счет на кредитке, а распечатку прислать мне.

Когда принесли мой кредитный счет, я приятно удивился – папаша на этот раз расщедрился.

– Ура! – воскликнул я. – Вы будете у моих ног!

И позвонил своей шикарной попутчице.

– Да? – ее голос был приятен, но строг.

Я назвался.

Она сразу сменила тон и даже тембр – заворковала.

– Мы поужинаем? – предложил я.

– А где? – осторожно поинтересовалась она.

– В Bell Air, – предложил я самый дорогой и престижный ресторан этого удивительного города.

Она сразу согласилась.

И даже на расстоянии почувствовал, как мои шансы крепко подросли.

Я взял напрокат смокинг и вызвал двенадцатиметровый лимузин.

Ресторан, куда мы приехали, был знаменит тем, что именно в нем президент Соединенных Штатов Дж. Ф. Кеннеди познакомился с самой прекрасной женщиной тех времен – Мерлин Монро. Здесь они вместе обедали.

– За каким столиком они сидели? – спросил я официанта. – Он свободен?

– Это очень дорого, – поведали мне.

Брови моей спутницы вздрогнули – она ждала, что я отвечу.

– Ничего нет дороже желания, дружище, – ответил я халдею.

Нас провели в тот самый знаменитый зал, усадили за тот самый столик.

Спутница моя была само очарование: черное воздушное платье, открытые плечи и – каскад драгоценностей.

За соседним столиком сидела группа японцев.

Маленьких, серьезных и богатых.

И все они не отрывали своих узких глаз от моей спутницы. Она им очаровательно улыбалась, а я заказывал самые изысканные блюда.

К полуночи я напился.

Помню еще, что подружился с японцами.

И проснулся в номере моей спутницы – благо, гостиница у нас была одна и та же.

Время было уже к полудню.

Оказалось, мою подругу тоже пригласили на церемонию.

Страдая с похмелья, я побрел к себе.

Но похмеляться не стал, побоялся папаши.

Долго стоял под холодным душем. Аж посинел весь. Зато полегчало.

Потом заказал три порции кофе. Пошарил по карманам смокинга, нашел вчерашний счет. Когда вник в него, стало немного грустно – сумма составляла ровно половину выделенного папой бюджета.

В дверь позвонили – принесли какой-то подарок в коробке, завернутой в розовую бумагу. Я сперва удивился, но потом понял, что это от вчерашних японцев.

Открывать не стал. Отправил своей знакомой. Пусть думает, будто это от меня. Все-таки ночь была очаровательна, да и она сама тоже.

Ровно в четыре я был в холле.

Там было много знакомых знаменитостей.

Отец стоял чуть в стороне ото всех со своей юной и очень красивой женой. К нему то и дело подходили сильные мира того.

Он заметил меня и милостиво кивнул.

Я подошел.

Поздоровались.

– Он сообщил мне, что я еду не с ним: он в первом лимузине, а я в шестом, но в зале сидеть буду рядом с ним. А потом мы вместе поедем на банкет, который устраивает Киноакадемия для лауреатов «Оскара».

– Ты все понял? – спросил меня отец.

– Конечно, па, – уверил я его, хотя ничего не понял кроме того, что я в зале буду почему-то или зачем-то сидеть вместе с ним.

Он дал мне приглашение.

Я поклонился и выбрался из уже плотной толпы, окружавшей моего отца.

Тут ко мне подлетела моя знакомая в сопровождении трех поклонников, отвела меня в сторону и стала шептать мне в ухо:

– Зачем такое расточительство, такой дорогой подарок?!

Я поначалу никак не мог понять, о чем она.

Но когда она стала говорить что-то насчет престижной видеоаппаратуры, я понял, что было в коробке от японцев.

– А-а, пустяки... – небрежно отмахнулся я.

Она на мгновение осторожно прижалась ко мне и уже громче спросила:

– А ты где там будешь?

Я показал свое приглашение.

У нее удивленно взлетели брови – ряд, указанный в приглашении, был зарезервирован для звезд, и все это знали. Она же сидела где-то под балконом.

Я небрежно убрал приглашение в карман и, шепнув ей, что во дворце увидимся, пошел прогуливаться по папиным друзьям.

Все меня встречали очень радушно: кто целовал, кто обнимал, кто мял, а кто просто говорил какой-нибудь затасканный комплимент – мол, так похож на отца, прямо вылитый.

Я на это кисло улыбался – мне почему-то хотелось быть похожим на самого себя.

Наконец стали подъезжать лимузины.

Отец со своей красавицей, как и говорил, уехал в первом. Потом – ведущие актеры и авторы фильма. Следом – композитор и команда отцовской студии. Наконец пришел и мой лимузин, но какой-то весь потертый с шофером лет под сто и пыльными фарами.

Со мной посадили еще троих – двух толстых операторов и сопливаю девочку-гримершу.

До дворца, где должна была состояться церемония, пешком тихим шагом идти минут тридцать, но американцы без показухи просто не могут. Они перекрыли все ближние улицы, и ко дворцу со всех концов огромного города со скоростью раненого муравья стали стекаться лимузины, каждый длиной не менее десяти метров – ведь гость должен именно приехать, а не прийти – за этим очень строго следили устроители.

Поехали и мы.

В машине было просторно, но душно.

Мы все сразу же перезнакомились и решили, не откладывая, выпить. Так думали, что сейчас минут через десять будем на месте.

Я открыл бар – виски, джин, martini, – но воды не было и льда тоже. Вдобавок холодильник не работал, и все было теплое.

Но все равно мы налили и выпили.

Сделалось еще жарче.

Я снял трубку внутреннего телефона и спросил водителя, почему не работает кондиционер. Он улыбнулся и пожал плечами.

Тогда я спросил, почему не работает холодильник и почему нет воды? – он вновь улыбнулся и пожал плечами – старая, мол, машина, нет ничего.

В смокингах и бабочках стало невмоготу. Открыли люк, и я высунулся в него. Мимо бесконечного ряда черных, серых и белых лимузинов, спокойно обгоняя их, беспечно и весело шли люди. Они не без юмора смотрели на мою фигуру в смокинге, а сами были одеты в рубашки и шорты, юбки и блузки.

После виски мне стало хоть и жарче, но зато и веселее. Я от души раздавал всем желающим воздушные поцелуи, а особенно женщинам-полицейским, которых было вокруг великое множество.

Наконец мне надоело торчать в люке, и я спустился опять в салон. Там была парилка. Все мои попучики уже разделись до возможного предела.

Прошло сорок минут.

Мы утешались мыслью, что терпеть осталось недолго и мы вот-вот приедем на место.

Прошло еще сорок минут. Казалось, мы не едем, а стоим на месте. Восемь рядов длинных раскаленных чудовищ медленно и важно в своей гигантности пробирались ко дворцу.

В других лимузинах сидели радостные люди, у которых, очевидно, работало все – и холодильники, и кондиционеры. Они весело махали нам запотевшими от холода фужерами с минеральной водой и «американским шампанским».

Всей нашей команде уже становилось дурно.

Кто-то предложил выпить еще. Остальных от такого предложения чуть не стошнило. Наконец к исходу второго часа подъехали ко дворцу церемоний.

С трудом одевшись и приведя себя в порядок, мы выползли на волю.

В глаза ударило солнце, в уши – радостный гул толпы, в душу – магическое восхищение праздником тысяч людей, которые облепили дворец, но внутрь не попали.

Мы сразу очутились в огромном коридоре, где прогуливались, позируя для кинофотоиндустрии, легендарные звезды Голливуда.

Трибуны по обе стороны этого великолепного коридора с красной дорожкой были битком забиты людьми.

Явление каждой новой звезды взрывало трибуны такими воплями, что приходилось зажимать уши.

Я тоже стал прогуливаться.

Поздоровался со Шварценеггером, Сталлоне, Алю Пачино и де Ниро.

Почеловал ручку Клаудии Шиффер.

Обнял Спилберга.

Поболтал немного с Никитой Михалковым.

Раскланялся с его братом, Андроном Кончаловским, и двинулся в зал.

В фойе зала выпил холодной «кока-колы» и прошел на свое место. Отца еще не было. Мы сидели в седьмом ряду у центрального прохода. Мое место было третьим от этого самого прохода.

Я сел, расслабился, стал оглядываться вокруг. Издалека мне помахала моя прелестница. Я – ей в ответ.

Взял программу, прочитал.

Там ни о каком банкете не было ни слова. И тут меня как током ударило – ведь отец уже был приглашен на банкет лауреатов «Оскара» да еще меня с собой позвал. Что-то тут не так.

Я заерзал.

Постепенно зал начал заполняться. Подошел отец. Посадил рядом со мной свою жену, а сам сел с краю.

Я его спросил про банкет. Он посмотрел на меня, как на ребенка, – впрочем, строго говоря, я и был его ребенком – и спросил:

– А ты что, сомневаешься в моей победе?

Я соорудил резко отрицательную мину, хотя так ничего толком и не понял.

И тут началось чисто американское шоу – с размахом, с помпой.

Было интересно. Особенно когда на сцену выехал огромный куб с красным роялем наверху, а маленький Эл Джонс все никак не мог на него забраться, чтобы спеть нам свою знаменитую песню песен.

Наконец началось награждение.

Через сцену продефилировали все звезды.

А под конец пригласили команду нашего фильма.

Отец велел жене сидеть на месте, от чего та надула свои прелестные губки, пошел на сцену, позвав с собой меня.

Всех нас – человек двенадцать – долго благодарили за наш фильм. Но драгоценную статуэтку дали только одну.

Лично я был и этому рад.

«Оскар» завладел, конечно, я и долго им махал со сцены, пока меня вежливенько оттуда не выдавили.

Дальнейшее было мне уже неинтересно.

Я держал бесценный приз у себя на коленях, а все вокруг тянулись поддержать или хотя бы потрогать это сокровище.

Дал я подержать «Оскара» и отцовой жене. Предупредил:

– Осторожно! Он тяжелый.

Она фыркнула, приняла в свои руки и чуть не уронила. Я громко ойкнул. Отец вообще ничего не замечал, он только раскланивался да посылал залу воздушные поцелуи.

На этой торжественной ноте мы и покинули дворец церемоний.

Банкет

На банкете, который устроила Американская киноакадемия для лауреатов «Оскара», наша компания попала между столами Тарантино и Стива Сигала.

Тарантино, молодой и нервный, был недоволен церемонией; быстро напившись, он стал хулиганить.

Стив Сигал подсел к нам и стал пробовать пить водку по-русски. Оказался на редкость рубахой-парнем.

Потом подошел интеллигентный Максимилиан со своей красавицей-женой Натальей Андрейченко.

Гуляли долго и весело. Разъезжаться стали только под утро.

Можно было наблюдать очень забавную картину: когда уезжала очередная компания звезд и на брусчатке у дороги стояли, поблескивая золотом и платиной, то две, то три фигурки «Оскара».

Нью-Йорк

Из Лос-Анджелеса мы полетели в Нью-Йорк.

Там нас ожидал прием в российском консульстве и несколько встреч с нашими ребятами, работавшими в Америке.

Перед отлетом я простился со своей пассией. Надавал ей телефонов и обещаний профинансировать ее сверхгениальный кинопроект.

В аэропорту перед отлетом к нам то и дело подходили американцы и просили дать поддержку «Оскара» – благо, я ее все время крутил перед своим носом.

Отец делал вид, будто все это его не касается, но в то же время давал понять, что это он здесь самый главный и что «Оскар» это его, а не того, кто его стережет или крутит в руках.

В Нью-Йорке нас поселили в самом центре, на 36-м этаже гостиницы «Парк Меридиан», что по 68-й улице.

Все служащие отеля: швейцарцы, лифтеры и носильщики – почему-то были выходцами из Советского Ташкента. Потому и обстановка была почти домашняя.

Отдохнув, вечером мы поехали в консульство.

Там нас ждал то ли поздний обед, то ли ранний ужин, очень обильный и шумный. Вилли Токарев хотел спеть, но ему почему-то не дали. Все говорили о Шуфутинском, которого здесь не было.

Мне предлагали для ресторанов России астраханскую черную икру в больших количествах. Это в Америке-то!

Все были важны и значительны. Каждый показывал, как много добился он в Америке и как именно он жизненно необходим сейчас России.

И все хвалили наш фильм. Некоторые даже плакали, но это уже в конце банкета.

Говорили много: и консул, и его официальные лица, и важные гости. Но ничем не наградили и ничего не предложили.

Создалось впечатление, что эта встреча в консульстве была организована лишь затем, чтобы поесть вкусной русской еды, причем бесплатно.

Поели. Попили. Поболтали и разошлись.

На прощанье, правда, не целовались.

На следующий день отец улетел домой, в Россию. Я у него выпросил сутки – хотелось посмотреть великий город. Он милостиво разрешил.

И с утра я стал обозревать достопримечательности Нью-Йорка, а вечером меня затащили в популярнейший нью-йоркский ресторан «Русский самовар», который содержал Рома Каплан, очень милый и общительный эмигрант.

Ресторан был небольшой. С русской кухней, домашней клюквенной настойкой и потрясающим джазовым оркестром.

В разгар нашего веселья нам на стол принесли две бутылки дорогого французского шампанского от почитателей нашего фильма.

Официант, явно «голубых кровей», показал нам на затемненный угол ресторана, где за столиком сидели какие-то дяди в кожаных куртках.

Когда я спросил, кто это, официант ответил: «Наши, из России, но умеющие стрелять с двух рук».

Больше у меня вопросов не было.

Когда наша компания только-только распробовала клюквенную водку, ее, а также все прочее спиртное убрали с нашего стола. Как, впрочем, и с других столов.

– Рома, в чем дело?! – обратились мы к владельцу.

– Все, ребята, баста. С двадцати трех нуль нуль в этом городе запрещено торговать алкоголем.

Мы дружно возмутились:

– Да ты что, Рома?! Да ты давай потихоньку, чтобы никто не видел.

– Нет. Если вдруг увидят, мне придется закрыть заведение. Лучше я вам покурить кое-что дам... – И добрый хозяин выдал нам по сладкой сигаретке. Оказалось, действовало не хуже клюквенной.

Расставались поздно, с целованиями.

Потом я долго шагал по тихим улицам этого огромного города.

В гостинице я дал ташкентцу щедрые чаевые и завалился спать, как младенец. Наверное, от того, что спал на такой верхотуре.

Отлёт

Меня никто не провожал.

Ехал я в такси с толстым и говорливым водителем и мысленно прощался с этой удивительной страной.

Вся она представлялась мне одним большим пляжем – теплым, уютным и беззаботным.

«Пляж, пляж, пляж», – повторял я мысленно это слово, отлетая с земли американской на землю российскую.

И, похоже, не только мысленно.

– Вы что-то сказали? – обратилась ко мне по-русски симпатичная соседка.

Я приоткрыл глаза и ахнул: «Да это же!..» Впрочем, уточнять не буду. Я просто ей сказал, что знаю ее. Ее все знают.

– А вы кто? – спросила она меня.

– Я? Я – продюсер, – небрежно ответил я. Назвал фильм и скромно потупил взгляд.

Вольный город

Этот город для французов основали греки. Но очень давно.

Мне же этот город подарил мой друг Ришар, пригласив на Российский фестиваль искусств.

И вот теперь я летел в «вольный город» Марсель.

Ришар, почти совсем не знающий русского языка, увидев меня в аэропорту, закричал: «Володия! Харашо!». Впрочем, я тоже был несказанно рад нашей встрече.

Поселили меня в замечательной старинной гостинице, где вся мебель была настолько антикварна, что была больше похожа на музейные гарнитуры, а не на предметы гостиничного быта. А из окна открывался фантастический вид на старый порт, заставленного таким количеством яхт, что казалось бухты совсем нет, только мачты, мачты и мачты.

Вечером банкет.

Ришар решил удивить нас, а особенно, наверное, меня шикарными морскими дарами.

На стол принесли три плетеных корабля в обхват, внутри набитых льдом и сверху зава-
ленными морскими дарами: устрицами, ракушками, улитками, ежами. Ко всему этому богат-
ству нам подали в кувшинах легкое светлое домашнее вино.

И началась трапеза.

И, конечно, тосты Ришара.

Эту традицию он привез из России.

Первый тост Ришара был трогательный и импульсивный.

Как говорил Ришар!

Со слезами на глазах. Казалось, что слова его идут прямо из сердца. Он говорил об искус-
стве, о любви к искусству, о служении искусству, о людях искусства.

За это и выпили.

Только выпили, пришли три официальных дяди. Как оказалось, из консульства. Один
сел рядом со мной. Очень официальный, в темном пиджаке и галстуке. От него так и несло
значимостью.

Он представился:

– Консул.

– Поэт, – ответил я и поинтересовался у консула кто те люди, которые с ним пришли,
особенно тот худой и длинный, прекрасно говоривший по-французски.

– А, так, переводчик. Очень хорошо готовит мне доклады, – доедая очередного морского
ежа поведал человек в пиджаке и галстуке.

Но вдруг тот, кто был длинным и худым переводчиком, приказным тоном сказал «кон-
сулу»:

– Обеспечьте завтра машину и экскурсовода для делегации.

«Консул» вскочил, вытянулся и подобострастно заверил «переводчика», что все сделает
как надо.

В положении стоя он был жалок.

В положении сидя опять важен и велик.

Как в последствии оказалось, настоящим консулом был именно тот худой и длинный
«переводчик», а лже-консул – переводчиком.

Но даже после того, как все выяснилось, он передо мной не извинился. Странные дела
творятся в Марсельском консульстве.

Еще один мой сосед за столом, Слава, почему-то скучал. Скучая, он нашептывал мне,
что знает в Марселе места, от которых я умру, и предложил смыться от домашнего вина в
закоулки портового города.

Умирать в Марселе мне не хотелось, но я все же поинтересовался, откуда он знает портовые закоулки Марселя.

– Я служил во флоте, – многозначительно сказал любитель приключений и заговорщически мне подмигнул.

С приездом официальных лиц вечер стал скучным, как сытый сон, и я решил: «Гулять, так гулять», и вместе со знатоком марсельских закоулков как можно незаметнее покинул заскучавший стол.

Ришару же я сказал, что устал с дороги и хотел бы отдохнуть.

– Конечно, конечно, – обнял меня Ришар.

Так я обманул моего друга. Но лучше бы я этого не делал.

А «друг» Слава оказался на редкость веселым парнем. Он запросто так приказал водителю консульской машины от имени консула везти нас в портовые трущобы.

Водитель от такого напора растерялся и очумело помчал нас по ночному Марселю.

Нырнув в закоулки порта, Слава милостиво отпустил машину.

Вокруг было полно кафе и ресторанчиков, но мой товарищ по приключению их полностью игнорировал. Он ринулся в какой-то пустынный переулок. Там у темной двери он поколотил у звонка, и нас пустили внутрь.

Оказалось, что мы попали в какой-то закрытый клуб. На нас почему-то сразу обратили внимание. А бармен за стойкой, узнав, что мы из России, как-то загадочно заулыбался. Налив нам виски со льдом, он сказал, что, очевидно, мы ошиблись и не туда попали – это дамский клуб, а не мужской и перекрестил нас глазами.

Я оглянулся и увидел парочками танцующих девушек. И ни одного мужчины. Только хотел сказать об этом моему другу, как он под быструю музыку ринулся в танец. И закружился, и заплясал, заражая своей лихостью томно-ленивых лесбиянок.

Я пошел было в туалет. Но мужского туалета не оказалось. Огромный телеэкран у дамского туалета наглядно показывал, как заниматься любовью женщинам в отсутствие мужчин. В зале от явно недоброжелательных взглядов второй половины человечества мне стало не по себе. И я, позорно оставив своего друга, очередной раз лихо отплясывающего с дамами, покинул это странное заведение.

Вышел на набережную, где было свежо и тихо. Вольный город, веками кипевший от набегов сарацинов и кровавых пиратов, почивал, как младенец. Нотер Дам на горе блестел золотом. Редкие прохожие были тихи и неторопливы. Я присел на какой-то столб у дороги, закурил и задумался о тайнах бытия. Громкий голос, звавший «Руся, руся!», вывел меня из задумчивости. Я оглянулся.

Бармен, который наливал нам виски в клубе, махал мне рукой, приглашая, очевидно, назад в свое заведение. Я, подумав о том, что моя внешность приглянулась какой-либо из французских дамочек, пошел на зов.

В клубе, сидя на полу у стойки бара, дремал мой коллега Славик.

Стало ясно зачем меня звали. Совсем не за тем, о чем мечталось.

Растолкав своего друга, я вывел его из тоскливого заведения, и по набережной мы вдвоем зигзагами побрели в гостиницу.

Двери в гостинице были заперты.

Я долго утапливал кнопку звонка, прислонив моего друга к стеклянной двери отеля. Наконец вышел заспанный негр. После долгих мимических переговоров двери открылись.

Я втащил друга и усадил в кресло холла.

Номер своей комнаты я помнил, а вот где проживает мой приятель, не знал. Да и он тоже.

После долгих объяснений кто есть Слава, негр понял, что он проживает в гостинице и, включив компьютер, нашел его номер и дал ключ.

Мы с приятелем вошли в лифт, где он наконец поднял голову и спросил меня:

– Месье, вы говорите по-русски?

– Нет, – ответил я резко, чем категорически пресек дальнейшее изучение моих знаний в лингвистике.

Лифт как раз остановился на его этаже.

Я проводил его до номера и, попрощавшись, побрел к себе в номер. Разделся и в одних трусах вышел на балкон.

В ночном небе в отсветах города роились чайки. Как гигантские бабочки-однодневки они то взмывали вверх, то пикировали вниз на город, как на гигантский полыхающий цветок.

Вдохнув полной грудью свежий морской воздух, я долго разглядывал ночной город. Наглядевшись и успокоившись, отправился в постель смотреть французские сны.

Утром я проснулся от ужасного шума, доносившегося из-за открытой двери на балкон. Жмурясь, вышел на шум.

Площадь у порта была запружена народом.

Я посмотрел на часы. Семь утра.

Прикинул. Для демонстрации рано, для дискотеки поздно. Что же там такое? И, разбираемый любопытством, я, приодевшись, поменял теплую постель гостиницы на свежий воздух марсельского утра.

Оказалось, что так рано и шумно открылся рыбный рынок. К стенке причала подходили нехитрые рыбацкие суденышки и прямо из сетей вытряхивали дары моря на рыночные лотки.

Какой это был замечательный базар. Правда зевак было раз в десять больше, чем покупателей.

Рыба и морские гады в лотках были все живы. Медленно шевелили жабрами, плавниками, щупальцами. Публика, как зачарованная, наблюдала за этой таинственной жизнью морских глубин.

И вдруг какая-нибудь метровая рыбина, резко ударив хвостом, выгибалась дугой и с брызгами и шумом шлепалась назад в голубой пластмассовый лоток. Публика ахала и, на секунду отступив, еще плотнее обступала рыботорговцев.

Занятым было это утреннее зрелище.

Нагулявшись вдоволь по неожиданному рынку, я пошел в гостиницу завтракать.

Не успел поесть, как услышал, что приехала машина от консула для экскурсии по городу.

Через пять минут машина уже скользила по улица замечательного древнего города. Сколько раз его заливали кровью завоеватели, вырезая население то полностью, до половины. Но город, расположенный вокруг уютной и удобной для кораблей бухты, восставал из праха и быстро возвращался к богатству и процветанию. В период Великой французской революции окрепшие пролетарии Марселя, утопив в бухте тридцать тысяч аристократов, сколотили отряд и, распевая Марсельезу, ринулись на помощь братьям в Париж, тем самым подарив миру революцию, а французам гимн.

Замки периода Наполеона мы тоже осмотрели. И шикарные фонтаны при них. Я даже задержался у одного великолепного водного каскада. Кто-то бросил в этот фонтан белую розу, и она, как одинокая звезда, плавала в голубой воде, как в небе.

Естественно, у Марселя был и свой Нотер Дам с золотой Мадонной на куполе и выставкой корабликов в малом зале величественного храма.

Ну и конечно нас, пересадив на корабль, повезли в замок Иф, в камеру знаменитого мультимиллионера Монте-Кристо. Остров и замок, как кусок выжженного серого камня. В общем, тюрьма, как тюрьма – тоскливая и холодная. Хотя камеры просторные. Некоторые даже с камином. Я на всякий случай посидел в камере знаменитого графа, может быть тоже вдруг разбогатею. Так хочется пожить богатым и здоровым, но, конечно, не в тюрьме.

На этой мажорной ноте и закончилась экскурсия с консульской машиной.

Но что самое странное, в Марселе тоже есть нищие.

И весьма интересные нищие.

Когда я впервые увидел такого весьма симпатичного мужчину с гладким интеллигентным лицом лет тридцати, хорошо одетого, стоящего скромно у входа в местный Нотер Дам с жестяной баночкой в руке, я сначала не понял, что это нищий. Поздоровался с ним, одиноко стоящим. Заглянул к нему в баночку. И, увидев там несколько монет, подумал, что он продает туристам монеты.

Но монеты он не продавал, а глаза у красавца были грустно-просящие, и я невольно бросил ему в баночку двадцать франков.

Он кивнул.

Я отошел.

После того, как ему в баночку набросали монет побольше, он ссыпал их в ладонь, баночку припрятал, а сам пошел в пивную.

Часа через два я его опять увидел с баночкой. Но глазки его были уже не грустные, а слегка блестящие от пропущенной кружечки пива.

А как марсельские бабушки любят собачек.

Ни одной не увидишь с одной собачкой. У каждой почтенной матроны на поводке не менее двух-трех маленьких шумливых лысых или кудрявых коlobка. Забота и суетливость бабушек об этих существах трогательна до умиления. Я даже высморкался.

А так в Марселе очень много арабов. Сейчас их почти треть населения города. Я так думаю, что лет через десять-двадцать Марсель будет арабским городом. Пусть даже эти арабы будут с французским гражданством, все равно мне немного жаль этот город от такого перенаселения. Хотя кто знает, может это ждет и наши города.

Вообще-то у меня в Марселе было не так много денег. Зато было много желаний. Одним из них было бесчисленное потребление морских устриц. В ресторанах они стоили больших денег, а в магазинах вполне по моему карману. Я и купил их с десятков, похожих на грязные плоские булыжники, и в пакете принес в гостиницу.

Там, открыв заранее приготовленную бутылку пива, я сложил свой деликатес в тарелку, заткнул за ворот большую салфетку и, глотая слюни, попытался открыть одну из камнеподобных устриц. Первое, что случилось во время этого эксперимента, – сломался нож. Затем вилка. Расческа. Ногти на пальцах и несколько моих новых платиновых зубов. Раковина осталась замкнутой, как швейцарский сейф.

Через полчаса, когда злость с меня схлынула, я задался вопросом, как же эти великие французские люди открывают намертво закупоренные морские «булыжники».

С этой целью я решительно направился в ближайший портовый ресторан. Там на ломаном франко-русском я объяснил метру, что мне надо. Он вызвал шеф-повара. Тот, осмотрев мою худосочную фигуру, вник в проблему и, приглашающе махнув рукой, зашаркал на кухню. Там, дав мне прорезиненный фартук, кривой ржавый нож, пот сажил рядом с корзиной, наполненной теми самыми треклятыми устрицами и сказал:

– Feis comme lui. (Делай как он) – и ушел к плите.

«Он» – это толстый негр в таком же, как на мне, фартуке и таким же ножом. Но в отличие от меня, этот темнокожий пират расковыривал устричные булыжники, как семечки. Я пригляделся как орудует ножом мой напарник, как он лихо втыкает его острие между створками устриц и расщепляет эти неприступные морские твари, и стал делать также. Сначала у меня не

очень-то получалось, но на третьем десятке я уже стал орудовать вполне профессионально. А после третьей сотни обгонял даже негра. В общем, понял я, что и как, и вскоре закончил свою трудоемкую работу. В подарок мне дали нож и пол-сотни устриц.

Вот уж в гостиничном номере я побаловался всласть: и ракушки все съел, и пиво все выпил.

После этого я повадился ходить в тот ресторан каждый день. Поковырял ножом часа два и получай целый пакет моего любимого лакомства. И так, наверное, продолжалось бы до самого отлета. Но Ришар, тосковавший по моему обществу, прекратил мои трудовые подвиги. Он просто стал каждый вечер присылать в мой номер уже готовые, разделанные устрицы.

Я не стал возражать против такого поворота в моей кулинарной диете и свои коммерческие походы в ресторан на приработки прекратил.

К тому же ко мне приехали из Испании мои нижегородские друзья. Я им долго и нудно звонил, упорно приглашая в Марсель. Им было некогда, но они, поддавшись моим настойчивым просьбам, приехали. Отпахав на своей машине почти тысячу километров, уставшие и голодные, в полдень подъехали к моей гостинице. Я забыл оформить на них бронь, и номеров не оказалось. Для отдыха после длительной дороги они поехали искать другую гостиницу. Наконец нашли.

А у меня, видимо от переедания устриц, ежей и ракушек, разболелся живот. Я засел в туалете. И надолго.

Наконец к ночи мои знакомые дозвонились до меня. Я не стал их лишать своего присутствия и предложил посмотреть поздний спектакль с участием моего друга Ришара.

В театр мы приехали. И даже вошли в зал.

И тут меня замутило, и я бегом покинул сначала зал, а затем и театр, опять оставив своих друзей на произвол судьбы.

Утром я предложил им экскурсию по городу, а для начала – прогулку на корабле в замок Иф. Но перед посадкой мне снова стало плохо, и они уплыли одни. Правда, я часа через два их встретил и пригласил сходить в ресторан съесть по чашечке знаменитого рыбного супа по-французски «Буйябэс».

В ресторане я долго объяснял своим друзьям, из чего состоит этот замечательный суп.

Сначала мелко-мелко перетирают всякую морскую дрянь – рыбку, крабов, ежей, устриц, улиток и так далее. Все это желе кипятят и добавляют маленького краба, устриц, куски рыбы, креветки. Все это опять кипятят и подают с чесноком.

– Очень полезно для здоровья, – добавил я и при этом, извинившись, опять побежал в туалет.

Когда через полтора часа я вернулся, моих друзей не было нигде. Когда позвонил им в гостиницу, оказалось, что они съехали и оттуда.

– Сбежали, – с горечью подумал я и решил, что это им не понравился «Буйябэс».

Пытался на своем плохом английском, который все же был лучше французского, выпытать у портье их гостиницы, что да как, да почему. Но меня либо не понимали, либо не хотели понимать.

Вообще во Франции, в единственной стране мира, знание английского языка ничего не дает тебе в общении с народом. Французы категорически не хотят говорить по-английски. На любом другом, но только не на английском.

«Какое самопожертвование у французов, – думал я. – Не то что у моих друзей из Испании.»

Хмурый я возвращался к себе в гостиницу, навстречу мне шла девушка. Я опешил. В каждой руке у этой француженки было по блестящей не солнцем сабле.

Я тряхнул головой. При чем тут сабли?

Сабли оказались совершенно не при чем. Их не было. Это так блестели никелированные костыли, при помощи которых передвигалась девушка. Рядом с ней шел высокий, красивый юноша. Они то и дело целовались. А потом парень поднял спутницу, посадил себе на шею и, зажав под мышками костыли, помчался галопом вдоль набережной.

«Счастливые», – с завистью подумал я, провожая их взглядом.

В гостинице меня ждал сюрприз в виде Ришара и его машины.

– Володия, собирайся и поехали в гости к *моему* другу, русскому князю.

Мы поплутали немного по улочкам и подъехали к забору, овитому живым цветочным ковром.

За ним находился небольшой уютный двухэтажный домик, весь в цветущих деревьях, виноградниках и цветах.

Князь оказался худым невысоким интеллигентным старичком в бабочке. Он прекрасно говорил на русском и французском языках, был необычайно мягок и внимателен.

Познакомились с его женой Люсей, женщиной лет сорока.

Когда-то эта энергичная женщина приехала во Францию искать счастья. Но во Франции уже было много русских или выходцев бывшего Союза, тоже искавших счастье. И она попала нянечкой к старой, немощной русской эмигрантке первой волны – матери князя.

К тому времени, как умерла старушка, состарился уже и сам князь, и Люся перешла нянечкой к нему. Но заодно и оформила как бы брак. Теперь она как бы за хозяйку принимала нас.

Стол был накрыт на улице.

В большом блюде посреди стола был помещен знаменитый французский салат. Было много вина и хлеба. Рядом русский парень по имени Сережа жарил шашлыки. К шашлыкам подали аджику. От аджики во рту горело, как в жерле вулкана. Вот тут-то и пошло в ход вино.

К вечеру перебрались в дом.

Дом, как и его хозяин, постарел. На черном и большом рояле поселилась пыль.

Здесь нам с Ришаром, милым моим другом, удалось поговорить с полчаса за рюмкой корсиканской чачи. Князь составил нам компанию, и мы очень хорошо, с пользой для каждого поговорили о наших будущих творческих планах.

На следующий день в полдень я улетал.

Ришар сам заехал за мной.

В аэропорту мы долго прощались. В дорогу он мне подарил коллекцию французских вин. Коллекция была очень дорогая и тяжелая, и я бережно носил ее по трапам и лестницам. Но в нашем родном Шереметьево ее у меня честно конфисковали наши бравые таможенники.

Так что подарка до дома я не довез. Но у меня остались воспоминания. Причем, замечательные.

А что может быть дороже памяти?

Только сама память.

Дневное рандеву

Если одного молодого человека из провинциального города привезти в столичный город и оставить там на произвол судьбы, он, конечно, может влипнуть в какую-нибудь нелепую историю, но не обязательно.

Если же одного молодого человека из провинциального города привезти в Северную Столицу и сдать на руки другому молодому человеку из другого провинциального города, то вдвоём они сделают все, чтобы за рекордно короткое время попасть в нелепейшую и смешнейшую историю.

Что и произошло со мной и моим приятелем.

С ним я познакомился, когда подавал документы на юридический факультет Ленинградского университета. Там, в шумливой толпе абитуриентов, мы сразу заметили друг друга.

Вы скажете, судьба свела? Несомненно.

За наигранной напыщенностью поведения и развязностью разговора, мы сразу разглядели друг в друге своего брата – провинциала. Прически, костюмы, говорок – этого не скроешь. И хотя он был из Старого Оскола, а я из Арзамаса, словом, с разных концов России, во многом мы были очень схожи. Мы оба восхищались Ленинградом, его дворцами, набережными, парками. С замиранием сердец смотрели на Эрмитаж, Невский и ленинградок. Все без исключения девушки Ленинграда казались нам красавицами и абсолютно недоступными сказочными существами.

А поскольку мы считали, что знаний наших вполне достаточно для успешной сдачи экзаменов, то решили потратить время не на подготовку, а на более близкое знакомство с городом и горожанками. Поэтому же мы отказались от коек в общежитии университета и сняли в новостройках однокомнатную квартирку на первом этаже девятиэтажного дома.

В телах и душах мы ощущали необычайный подъем. Впервые в жизни полная и не контролируемая родителями свобода. И мы, пусть всего на две недели, хозяева отдельной квартиры. Эта убогая квартирка казалась нам дворцом. Обшарпанных обоев, текущих кранов и разбитых окон мы, конечно, просто не замечали. Нам было наплевать, что из мебели в комнате стояли только промятый диван с торчащими пружинами, в углу – стол на трех ножках и один – единственный стул, старый и скрипучий.

Мы сбегали в магазин, купили для супа «корюшки в томате», нашли крепкий ящик из – под бутылок, он сошел за второй стул.

Рыбу сварили – получился прекрасный суп.

Поели.

Подсчитали наши финансы. Состояние их было примерно таково: если надолго, то мало, а если на два – три дня, то нормально.

Как и предвидел классик, заимев жилище, еду и кое-какой капитал, мы решили немедленно заняться познавательной деятельностью. Слышали мы, что на Невском можно очень интересно и с пользой для интеллекта провести вечернее время.

Ничего прекраснее, таинственнее и опаснее, чем вечерний Невский, я не видел ни до, ни после этого.

Вместе с шумливой толпой мы не спеша двинулись от вокзалов вниз. Потом решили зайти в бар. Еще в университете разведка доложила, что в «Ольстере» – так в народе называли бар «Невский» – есть девушки очаровательные, добрые и не капризные.

Бар нас поразил с порога. Швейцар уже в дверях ощутимо уменьшил наш совокупный бюджет. Зал сверкал и искрился. Музыка, сигаретный дым, полным-полно веселого и пьяного народа.

Девушки – просто сказочные. Парни – так себе, обыкновенные.

Окинув взглядом поле боя, мы стали протискиваться к стойке.

Заказали по коктейлю с трубочкой и лимоном и стали выискивать гражданок, которые влюбятся в нас сразу и на весь сегодняшний вечер, а еще лучше – и на ночь.

Но почему – то наши сияющие курносые лица и пиджаки славной фирмы «Восход» не произвели переполоха в стане местных красавиц. И сколько мы ни пытались заговорить с какой-нибудь феей, после первых же наших мудрых изречений, обильно насыщенных буквами «о» и междометиями «чай», феи почему – то морщились, отворачивались и больше нас не замечали.

Так мы триумфально прошествовали через весь зал и опять оказались у самых дверей, одинокие и растерянные.

Бородатый швейцар оценивающе посмотрел на нас и поманил пальцем:

– Что ребята, дело швах?

Мы наперебой стали уверять его, что это просто так, разминка, и вот сейчас, через несколько минут, все красавицы этого бара будут валяться у наших ног, вымаливая разрешение просто подышать рядом с нами.

Швейцар улыбнулся в бороду и, погладив себя по объемистому животу, сказал:

– Ну-ну... А если что, я здесь.

И когда мы второй раз прошли наш путь, больше похожий на ретираду, чем на победное шествие, швейцар нас уже ждал. Ничем не выражая своего торжества, он принял самое энергичное участие в усовершенствовании нашего интеллекта. Когда определенная часть нашего совместного капитала перекочевала в большой карман бородатого стражника, мы получили взамен девушку лет этак от двадцати до тридцати, которая, посмотрев на нас долгим взглядом, заявила швейцару, что и одна справится.

На это тот ответил:

– А у них на вторую все равно денег не хватит.

От столь прямого обещания, что с нами, здоровыми молодцами, справится одна – единственная девушка, мы немного опешили, но когда она спросила, куда пойдём, к ней или к нам, мы, надувшись от гордости, небрежно так бросили:

– У нас шикарная квартира.

Вышли на Невский. Швейцар подогнал знакомого шофера.

Дама села впереди, мы сзади. Мы, притихшие и озабоченные, промолчали всю дорогу. Наша дама, казалось совсем про нас забыла. Она весело щебетала с шофером, смеялась, хлопала его по плечу, а в нашу сторону ни разу даже не взглянула. И совсем бы они о нас не вспомнили, но тут мы приехали.

Дама вышла из машины и, перекинув сумочку через плечо, спросила:

– Ну, куда идем, робяты?

«Робяты», пропустив ее вперед, невесело поплелись к подъезду.

В квартире она огляделась и промолвила, иронически покачав головой:

– Да – а, куда уж шикарнее. А ванная-то у вас хоть есть?

– Есть, есть! – обрадованно закивали мы.

– И что, тоже такая шикарная?

Здесь мы скромно промолчали, поскольку в нашей ванной сами еще не бывали.

– Ну что ж, я пошла в ванную, – сказала фея и видя, что мы смотрим на нее, как два весенних телка, добавила:

– Вы давайте тут побыстрее. Разбирайте диван. Стелите простыни. У меня времени мало.

Порывшись в сумочке, она что-то оттуда достала и, положив это что-то на самый край стола, упорхнула в ванную.

Мы во все глаза уставились на это что-то. Потом подошли. Осторожно взяли в руки.

Это была приличных размеров таблетка, упакованная в целлофан. Тут у нас возникло сразу несколько проблем. Что с нами двоими будет делать эта ленинградская гетера? И что нам делать с этой таблеткой?

В конце концов мы составили план: когда она выйдет из ванны, один спрячется на кухне, а второй ляжет, так сказать, на амбразуру. Каждый готов был принять жертвенное сиденье в темной кухне на себя, и мы, устав соревноваться в благородстве, решили: пусть судьба рассудит.

Стали тянуть спички.

Судьба выбрала друга.

Его могучей фигуре сорок шестого размера выпало встретить первый натиск прелестного неприятеля.

А мне выпало томиться в лучшие свои годы, то есть часы, в пустой темной кухне.

Увидев, как я огорчен, друг тут же предложил:

– Хочешь, я вместо тебя буду сидеть в этой гнусной кухне, а ты останешься здесь, с этой прекрасной девушкой?

Я энергично запротестовал, сказал, что против спичек не попрешь, судьбу не обманешь.

Поняв, что на передовой все же оставаться ему, мой приятель, прежде чем отпустить меня на кухню, как бы невзначай спросил, вертя между пальцев упаковку, на которой были написаны незнакомые слова «Вагинальная таблетка»:

– Знаешь, что это?

– Конечно, – уверенно ответил я, не желая ударить в грязь лицом.

– Я тоже, – заверил меня друг.

«Надо же, какой эрудит», – подумал я, потому что сам понятия не имел, что означает это мудреное название.

Друг, видимо, почувствовал мое тайное восхищение его глубокой осведомленностью и решил явить эту свою эрудицию во всем ее объеме:

– Для мужиков таблетка... – И, увидев недоумение на моем лице, пояснил: – Это чтобы сил было больше.

Пояснил и, похоже, сам поверил в то, что сказал, потому что добавил, задумчиво глядя на таблетку, занимающую чуть не половину его ладони:

– А то зачем бы она ее здесь оставила? – Потом, обратив взор на меня, вдруг вышел из задумчивости и сообщил мне радостно: – Но это, конечно, на двоих.

Я гордо отказался от своей доли.

Друг обреченно вздохнул и, снова уставясь на таблетку, попросил слабым голосом:

– Принеси, пожалуйста, воды.

Я мигом сбегал на кухню, налил полный стакан и принес другу.

– Послушай, – сказал я, – ты что, собираешься глотать ее?

– Конечно, – ответил мой отважный товарищ. – И не такие штуки глотал.

С этими словами он решительно вложил таблетку себе в рот и, запрокинув голову, стал заливать ее водой из стакана. Я видел, как она медленно проходила по горлу. Еще одно усилие – и все.

Мы оба разом облегченно выдохнули.

И тут вернулась наша дама. Увидев меня со стаканом, а в руках друга – обертку от таблетки, она испуганно спросила:

– Вы чего это?.. – И не dokonчила, вдруг осознав, что ее таблетка находится уже внутри моего друга.

Глаза ее буквально полезли из орбит. Она трагически зашептала:

– Вы зачем таблетку проглотили, шизики?

– Знаем мы, зачем, – ответил я и браво ей подмигнул.

– Знаете? Господи, с кем я связалась?

Сказав это и помянув нехорошими словами швейцара, она быстро собрала свои вещички и исчезла.

Я стоял столбом, хлопал глазами, туго переваривая сенсационное известие, а друг, сразу все поняв, метнулся в ванную. Там, изрыгая из себя пенные по – токи вперемешку с проклятиями, он клялся, что больше никогда и ни за что не будет... Чего он никогда не будет, я уже не слышал за шумом спускаемой воды, но, конечно, догадывался.

А ведь верно: после этого случая мы стали как – то спокойнее воспринимать загадочную красоту ленинградских девушек и с большой осторожностью относиться ко всему, что получали из их рук, памятуя, что эксперимент на себе – не самый лучший метод познания истины.

На юридический факультет университета мы с ним все же поступили. И жизнь началась уже студенческая.

А если провинциального студента оставить наедине с основной его студенческой проблемой – проблемой выживания, – он может один и не вы – жить.

Но если к этому студенту приложить такого же, как и он сам, студента из провинции, вдвоем они будут красиво и просто, как фокусники на манеже, решать проблемы выживания и сохранения своих провинциальных и вечно голодных душ в этом самом красивом северном городе.

Но это уже совсем другая история.

Дождь «Франция, Марсель»

Компания наша, летевшая во Францию, на Каннский кинофестиваль, была разношерстной: четыре киношника, помощник моего друга, композитор, продюсер и я со своей немой переводчицей. Зачем я тащил с собой немую переводчицу, объяснить трудно. А попала она ко мне благодаря моему таланту постоянно усложнять себе жизнь.

Когда я надумал ехать во Францию, то по причине отсутствия приличных знаний французского, а равно английского, немецкого и итальянского, решил подыскать себе переводчицу.

Сказано – сделано. В ИНЯЗе был объявлен конкурс. Победительница в качестве приза награждалась поездкой на Каннский фестиваль. Конкурс был сложный, и победительница определилась буквально в последний день оформления документов.

В ней мне подходило все: цвет волос и глаз, возраст, рост и знание шести языков; не знал я только того, что на одном из факультетов ИНЯЗа есть группа сурдоперевода, где готовят специалистов для перевода с иностранных языков на язык жестов. Моя спутница оказалась именно из этой группы. Сама она была искренне уверена, что именно она со своими столь специфичными знаниями необходима на этом кинофестивале.

Когда вся наша компания собралась в Ирландском пивном баре Шереметьева – 2, я, естественно, не выдержал и после двух кружек темного пива с гордостью поведал своему приятелю композитору, что моя переводчица знает шесть языков.

Он тут же спросил ее на английском, так ли это.

Она утвердительно ему кивнула, мол, «yes», и что-то записала в свой блокнот, с которым, надо заметить, не расставалась никогда.

На этом все застопорилось. На дальнейшие вопросы моего друга, заданные, как я разобрал, на других языках, она лишь что – то писала в своем блокноте, и когда нам надоело читать, мы просто махнули на всё это рукой и решили, что лучше нам выпить еще по кружке пива.

Девушке, похоже, все стало ясно. Она поняла, что я и не подозреваю, с какой переводчицей лечу, и когда мы уже взлетели, подала мне листок, исписанный на русском и все объясняющий.

Я увидел ее глаза со слезками и, чмокнув в висок, чтобы успокоить, погладил по волосам. «Ничего страшного, все будет хорошо», – написал я ей в блокнот.

И оказался прав: она отлично отработывала рабочие тексты на наших деловых встречах, и ее молчание не доставляло мне никаких особых неудобств. Вела она себя тихо и скромно, никому не мешала. Мой же приятель композитор вообще ничего не понял, впрочем, как и все остальные.

В самолете композитора узнал какой – то бравый генерал в форме и при полном параде, весь в звездах, пьяный и красивый. Он по – отечески обнимал композитора, и громко учил его, как надо писать музыку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.